

Горнорабочая песня XVIII в. имеет еще одно исключительное свойство — коллективность. Коллективность не только в смысле хорового исполнения, но и по существу разрабатываемого образа. Героем песни является не индивидуальный рабочий, а вся рабочая масса, от лица многих героев поется об одинаковой судьбе всех этих людей, связанных едиными условиями жизни и одной жестокой судьбой на фабриках, заводах, рудниках. Это подчеркивается и вербально: «Мы примамся работать»; «Наши горные работы»; «Наше сердце уныват»; «Да оттудова валится, что и петь нам не годится».

Положение рабочих на предприятии было полувоенным: жизнь в казармах, вставание ранним утром по гудку, переходы по заводу пешком строем, работа под специальным постоянным надзором. Громкие песни на улице нередко имитировали здоровье, удале рабочих, их «беспечальную» жизнь заливчатых парней. Громкая, дружная песня была тогда для рабочих обязательной, входила в подневольный этикет. Под заводской кабалой находились различные прослойки крестьян-рабочих. На помещичьи фабрики сгонялись вотчинные крепостные. К купеческим прикупались посессионные. К фабрикам, рудникам «присваивали» ссыльных, каторжных, кабальных холопов, бродяг. Были и наемные рабочие из крепостных, приписывали государственных крестьян. Работа на Уральских заводах приравнивалась к военной службе, рабочие подчинялись военной дисциплине. В этих условиях формировалась поэтика ранних рабочих песен.

В. В. БЛАЖЕС
Уральский университет

Юмористические рассказы и анекдоты, бытующие в рабочей среде

Современные народные юмористические рассказы и анекдоты относятся к числу малоизученных, по крайней мере, трудно назвать какое-нибудь специальное исследование. Этот пласт народной прозы незаслуженно оказался в тени. Достаточно просмотреть региональные сборники последних десятилетий, чтобы убедиться в том, что народные комические рассказы, анекдоты или совсем не попадают в число публикуемых материалов, или публикуются в самом небольшом количестве и даже не выделяются в специальный раздел. Между тем каждый фольклорист, занимающийся экспедиционной работой и наблюдающий процессы, происходящие в современном народном творчестве, постоянно сталкивается не только с так называемыми бытовыми сказками, которые, кстати сказать, как раз

изучаются и постоянно публикуются, но и с устными юмористическими повествованиями. Их рассказывают буквально все, даже дети, и почти в каждой профессионально-возрастной группе часто обнаруживается свой, конечно, относительно самостоятельный сюжетно-тематический круг юмористики.

В данной статье будут рассмотрены народные юмористические рассказы, анекдоты, записанные участниками фольклорных экспедиций Уральского университета преимущественно в городах и рабочих поселках Среднего Урала за последние 15—20 лет. Нами привлекаются рассказы уральских рабочих старшего поколения, поскольку в их репертуаре еще сохраняются многие традиционные мотивы, сюжеты и темы, связанные с дореволюционным бытом и трудом, что позволяет увидеть хотя бы в некоторых чертах пути развития народной юмористики региона. В статье даются не только пересказы, но и полные тексты отдельных рассказов, анекдотов.

* * *

Характеризуя уральских рабочих второй половины прошлого столетия, В. В. Берви-Флеровский писал: «Одаренный от природы и талантом, и остроумием, развитой постоянной жизнью в обществе, он (рабочий.— В. Б.) не может сдержать своих умственных проявлений и, как грибы, возрастают юмористические песенки и памфлеты; их так много, что из них можно было бы составить преинтересную книгу...»¹ К сожалению, автор, непосредственно знакомившийся с этими юмористическими песнями и памфлетами, не записал их. Но примечательно, что В. В. Берви-Флеровский не только объективно показывает в своей статье решающую роль рабочих в развитии уральской промышленности, не только утверждает, что «влияние рабочих на управление заводами не осталось бы без пользы»², но и подчеркивает их общественную активность, природный талант и остроумие. Кроме того, высказывание В. В. Берви-Флеровского подразумевает местный, узколокальный характер рабочих юмористических произведений, а также кратковременность их активного бытования («как грибы, возрастают», но, очевидно, так же быстро и исчезают). Впрочем, здесь нет необходимости что-либо домысливать, потому что мы имеем достаточно надежный источник, дающий возможность представить подлинное положение дел в народной юмористике,— это указатели сказочных сюжетов, включающие и анекдоты. Возьмем новейший указатель, полно учитывающий как дореволюционный анекдотический материал, так и все публикации XX в.³

¹ Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения: В 2-х т. М., 1958, т. 1. с. 425.

² Там же, с. 425.

³ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников. Л., 1979.

По нему видно, что среди народных анекдотов есть такие, которые бытуют в течение многих десятилетий и даже полутора-двух столетий, к примеру анекдоты о Балакиреве, но по тому же указателю заметно, что анекдотические сюжеты по сравнению со сказочными являются у восточных славян более подвижными. Так, в первом разделе «О глупцах и простаках пошехонцах» из 112 номеров по одному разу записана почти половина сюжетов (50); в разделе «О супругах» из 67 по одному разу зафиксировано 17 сюжетов; примерно такая же картина во всех последующих разделах. В целом сюжетный репертуар анекдотов русских, украинцев, белорусов включает около 900 номеров, из них примерно 300 записаны один раз и у одного народа. Очевидно, здесь проявляется одна из особенностей народной юмористики: при определенной сюжетно-мотивной устойчивости наблюдается достаточно выраженная локальность и кратковременность бытования.

Обратимся непосредственно к фактическому материалу.

Старые уральские рабочие, вспоминая прошлое, затрагивают одновременно различные стороны жизни. И по этим воспоминаниям видно, что никакой изнуряющий труд не мог заглушить в рабочей среде шутку, остроумную пародию, едкий анекдот, сатирическую сказку. Социальный оптимизм, выражаемый в комических жанрах, был неотъемлемой частью трудового бытия рабочих. Не только в быту, но и на производстве всегда находилось место веселому розыгрышу, язвительной шутке.

Один из типов юмористических рассказов порожден разного рода розыгрышами молодых рабочих, плохо знающих или совсем не знающих производство. Здесь начинающий рабочий всегда выступает в роли «незнайки» (кстати сказать, подобные эпизоды часто встречаются в литературных произведениях, описывающих начало трудового пути рабочего или первые месяцы службы солдата, матроса). Старые рабочие любят вспоминать, как подростка просили принести из другого цеха ведро компрессии (воздуха), и он пытался выполнить эту просьбу, или как заставляли начинающего углежога «ловить соболя» при разборе кучонка и т. п. Разумеется, не всегда такие розыгрыши и шутки были безобидными, особенно в мужской среде. Могли случайно заснувшего на лавке мальчишку-рассыльного привязать и закричать над ухом: «Мастер идет!» — тот с испугу вскакивал и падал вместе с лавкой, вызывая смех наблюдавших эту сцену. «Я с двенадцати лет, — рассказывал старый рабочий И. Я. Быков, — и золото мыл, и асбест отбивал. А потом батька меня выхлопотал в цех учеником. А что ученик на первых порах? Лампы маслом залить, любому слесарю, что он скричит, принести. Один слесарь мне говорит: «Вон дяденька сидит, попроси у него медного кружала». Я бегу, прошу. Тот: «Ну, снимай шапку». Снял, подаю, думаю, он мне в шапку-то этого медного кружала насыплет, а он за волосы хватить и кру-

жит, потом толкнул под зад: «Понеси». Все хохочут. И долго потом про меня рассказывали, как я ходил за медным кружалом»⁴.

Но те же рабочие были способны зло иронизировать над представителями администрации, над духовными лицами. Во многих уральских заводах в начале XX в. рабочие вывозили за ворота на тачках вместе с мусором неугодных им мастеров, начальников цехов, даже управляющих, и рассказы об этом дошли до наших дней, хотя давно нет в живых тех, кто это делал. В таких рассказах всегда порицается рьяность, несправедливость администратора, выявляется высокая сознательность рабочих, их стремление через общественное осмеяние восстановить свои права.

В заводских поселках распространялись также рассказы о столкновениях отдельных рабочих с мастером, десятником и т. п. Устная молва интерпретировала эти столкновения комически, хотя протекали они в далеко не шуточных формах, к которым прибегали рабочие, чтобы защитить свою честь, достоинство. «Отец рассказывал про себя и от других слышал. Он пришел в цех на смену, а стан барахлит. Полез исправлять, одни ноги торчат. Тут мастер. Взял и пнул отца, а тот схватил лопату и за мастером. По цеху бегали всем на потеху. Потом поостыли. Отец ему: «Ты имеешь право меня пинать?» — «А брак идет, видел?» — «Знаю, за тем и полез исправлять». — «Ну, ладно. Да неудобно, что люди-то видели»⁵.

Отметим также юмористические рассказы о различных случайностях, смешных недоразумениях, имевших место на производстве. В комическом положении мог оказаться кто-нибудь из рабочих или тот же мастер, даже управляющий. «Асбест раньше перерабатывался в катунах. Мой старший брат погонщиком на катунах работал, было у него четыре лошади. До того кони привыкли: начнут останавливаться, он сосвистит, они опять пошли. А дело было ночью, он в поддувало залез и оттуда, если надо, посвистывает. Тут лесной принес управляющего. Он долго смотрел, как кони одни ходят и кто-то посвистывает из поддувала. Потом подошел сзади и потянул брата, а тот думал, что кто-то из своих, да бросил в него головешку. Управляющий в крик. Но с работы не выгнал. А к брату потом все шутя приставали: «Петро, расскажи, что с управляющим сделал»⁶.

К этой группе примыкают рассказы о местных шутниках, балагурах, которые сознательно создавали комические ситуа-

---

⁴ Записано В. Блажесом, Е. Елизарян в 1977 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от И. Я. Быкова (1900).

⁵ Записано Л. Лихомановой, О. Невוליной в 1977 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от М. П. Останина (1915).

⁶ Записано Л. Лихомановой, О. Невוליной в 1977 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от К. Ф. Кондрашина (1906).

ции, порой прикидываясь простачками. «Раньше прокатчики катали и сами сдавали железо. Потом приказчик Синкевич пришел к нам: «Давайте катать, а сдатчики другие будут и катать будете по новой форме». Прокатчики недовольны: получать-то меньше. Но что поделаешь, стали работать. Один раз приказчик пришел посмотреть, как катают по новой форме. А был у нас Санко Мясликов, шутник и дюжий парень. Ему сказали: «Санко, гляди, приказчик с управляющим пришел». Санко и заплясал у стана. Управляющий спрашивает: «Что это он? Пьяный, что ли?» — «Да нет, не пьяный, лучший работник у нас». Тогда управляющий позвал Санку к себе и спрашивает: «Ты что это пляшешь?» А Санко ему: «По новой форме работаем, больше получать будем!» — «Молодец! Дать ему рублевку»⁷.

Шутники и балагуры были горазды на выдумки, особенно когда приходилось однообразно и монотонно трудиться. Например, еще в начале XX в. по всему Уралу тысячи возчиков подвозили на лошадях сырье к заводам, отвозили готовую продукцию к пристаням и железнодорожным станциям. Расстояния были большими, до нескольких десятков километров, поэтому в пути шутники молча не пропускали ни одной телеги, особенно если ехали женщины. Здесь остроусловы демонстрировали свое мастерство. То же самое происходило в деревнях, стоящих на тракте, у колодцев, хлебных лавок. Балагуры иногда разыгрывали по дороге целые представления на злобу дня. Так, когда шла русско-японская война, алапаевские возчики однажды по дороге в г. Тагил всем показывали японца, будто бы взятого в плен: «Был мужик один, Савва. Что придумал? Мы тогда на заводчика Яковлева робили, руду возили из Тагила в Алапаевск. Дорога-то длинная. А нас, мужиков, много, бедовые были, ой, какие! Тогда шла война с японцем, это в 1905 году. Ну, мы взяли Савву и японцем сделали. Обрядили, как есть японца. И везем его за собой в телеге и всем говорим, что у нас японца, его взял в плен русский солдат. Люди в деревнях верят, ходят на него смотреть, как на диковинку. А мы промеж себя смеемся и врем дальше...»⁸

Шутников и балагуров, даже умерших, долго помнят, пересказывают их выдумки, цитируют их комические реплики, остроты: «Еще был у нас один шутник, Саша Корякин. Звали его Александр Николаевич. Пойдет кто говорить, мол, если кому приснятся вши, тот платину найдет. А он: «Я вшей на себе ловлю, а платины найти не могу»⁹. И про современного

---

⁷ Записано В. Кондрашиной, Н. Свинкиной в 1973 г. в г. Ревда Свердловской обл. от И. Л. Краснова (1897).

⁸ Записано Н. Дубиной, Л. Нирман, Л. Сутуловой в 1966 г. в д. Акинфиево Верхнесалдинского р-на Свердловской обл. от А. И. Небараква (1878).

⁹ Записано Т. Красулиной, И. Токаревой в 1962 г. в пос. Висиме Пригородного р-на Свердловской обл. от М. П. Петрова (1884).

острослова: «Одного мужика у нас в городе Цыганом прозвали. Шутник: рассказывает что-нибудь, все со смеху умирают, а он даже не улыбнется. Мимо детского садика идет и говорит: «Далеко иду и слышу: свои ботала брякают»¹⁰.

Старые рабочие, как правило, были на армейской службе до революции или уже в советское время, и поэтому в их репертуар непременно входят фольклорные произведения армейской, военной тематики, в том числе и юмористические рассказы. Они вспоминают обстоятельства, где нужно было проявить хитринку, слухавить или просто обмануть. Героем таких историй обычно является находчивый солдат. Так, старый рабочий И. Е. Казанцев очень выразительно рассказывал о том, как он в 1916 г. был ранен и лежал в госпитале. Однажды туда приехала дочь царя и начала обходить раненых. И. Е. Казанцев быстро сообразил, что если солдат «побойчее ответит, ему дадут медаль», и соответственно повел себя, изображая патронта: «Ко мне она подошла: «Ну, как здоровье, солдатик?» А я отвечаю: «Ехать на фронт надо». — «Правильно, защищай родину. Дайте ему медаль», — говорит. И дали мне георгиевскую медаль и ефрейтором произвели. С тех пор я не бывал рядовым. Вот как обхитрил царскую дочь»¹¹. Другой рассказчик, С. И. Качалов, вспоминает: «Я сам был очевидец случая. Командир взвода приходит проверять конюшню, а дневальный спит. Надел он на него, спящего, хомут да как крикнет: «Встать! Чем занимаетесь?» Дневальный вскочил, во фрунт вытянулся: «Хомут ремонтирую!» — выпутался солдат. А то еще такой случай был. Прибыли мы во Владивосток. По квартирам определили. Дружок мой пошел по воду да и утопил солдатский котелок в колодце. Бежит обратно, старшине докладывает: «Товарищ котелок, старшина в колодец пал»¹². Находчивый солдат и солдат, попавший в смешное положение, поставлены С. И. Качаловым рядом, и это показательно не только для данного рассказчика. Другие также могут повествовать по принципу «и еще был случай», нанизывая «случайные» истории, в которых действуют похожие друг на друга герои или описываются однотипные ситуации.

Народная мораль поощряет разного рода шутки слабого над сильным, и если последний терпит поражение, оказывается одураченным, попадает в смешное положение, то молва об этом бывает красноречивой и достаточно длительной. До сих пор, например, бытуют рассказы о том, как рабочая молодежь дурачила жандармов в г. Сысерть. «Это было году в 1916—1917.

¹⁰ Записано Т. Фоминой, Н. Волошиной в 1981 г. в г. Полевское Свердловской обл. от В. Е. Калугиной (1901).

¹¹ Записано Л. Деминой, Л. Ивановой в 1977 г. в г. Каменск-Уральский Свердловской обл. от И. Е. Казанцева (1896).

¹² Записано О. Якубовских, В. Ким в 1980 г. в пос. Верхний Яр Долматовского р-на Свердловской обл. от С. И. Качалова (1909).

Парни уходили в лес возле Зареки (отдаленная часть Сысерти.— В. Б.) и громко пели революционные песни. Нарочно громко, чтобы в Сысерти слышно было. Жандармы — туда, а парни — враспынную, и лесом с разных сторон возвращались в Сысерть. Много раз так делали...»¹³ Другой старый житель Сысерти, П. Ф. Сидоров, вспоминает нечто подобное: «Раньше сысертские парни озорничали. Взрослые уже парни, лет по двадцать. На пасху ночью натягивали проволоку через улицу. Как начнут ночью палить из пушек, жандармы — на лошадей и к тому месту, а тут проволока. Жандармы валились с лошадей... Раз насмерть захлестнулся один жандарм... Пушки тогда примитивные были, отливались на заводе из бронзы и чугуна. Парни шутили: набьют пороху со ствола, забьют пробку, приделают ее на цепь, чтобы не улетела, да как бабахнут около поповского или какого-нибудь купеческого дома! Стекла дрожат, люди выскочат... Так молодежь шутила»¹⁴.

Эта форма общественного осмеяния, исторически более поздняя, соприкасается с другой, существовавшей в атмосфере праздничного народного гуляния, когда допускалась известная свобода поведения, осуждаемая служителями культа. Так, два московских священника доносили в 1760 г.: «усмотрено ими», что в Замоскворечье «близ самого большого суконного двора, на сырной неделе, сделана была гора того суконного двора работными людьми вниз на Москву реку... и на той горе из тех работных людей многие были наряжены в разные бесовские одеяния и чудовища. И между теми наряженными людьми один был работный человек, в посмеяние и поругание священного чина, одет в монашескую одежду, имея в правой руке посох, а в левой вместо четок моржовый ремень, который скакал и плясал и ремнем оным народ с показанной горы гонял, что весьма безобразно и поносителю чину священному и монашескому...»¹⁵. Другой случай, который произошел в начале XX в. в доменном цехе Алапаевского металлургического завода: «В праздник домну не остановишь. Вот в пасху доменщики что придумали. У них четвертый номер длинный фартук из кошмы надевал: летку пробивать, летит шлак — он защищал. Один этот фартук повернул на спину, получилась как риза. Где-то ладану достал, приспособил черепок — кадило вышло. Сам как поп, а своего подручного — за дьякона и отправились вокруг домны делать службу пасхальную. Все рабочие собрались, смеются. А у входа управитель появился. Стоит, смотрит. Они увидали, остановились. Он: «Попу — рупь, а дьякону —

¹³ Записано В. Блажесом, И. Олейник в 1982 г. в Сысерть Свердловской обл. от Ф. Ф. Васильева (1906).

¹⁴ Записано Д. Ниязбековым, М. Пудовкиным в 1982 г. в г. Сысерть Свердловской обл. от П. Ф. Сидорова (1913).

¹⁵ Фольклор фабрично-заводских рабочих /Под ред. П. М. Соболева. Смоленск, 1934, с. 21.

пятьдесят копеек». И ушел. Это он их оштрафовал за критику. Я и фамилию скажу, кто попом был,— Паншин, он потом в 1918 году в Красную Армию записался. А дьяконом — Старцев. Это было в 1915 году»¹⁶. Очевидно, можно говорить о принципиальной схожести действий уральских рабочих, пародировавших пасхальную службу в доменном цехе, и рабочего человека, который в монашеской одежде и с ремнем в руке «скакал и плясал» в праздник.

Не только религиозная индифферентность, но и осознанный атеизм рабочих просвечивает во многих рассказах, анекдотах, сатирически изображающих духовных лиц. Как о реальном случае рассказывается, например, об алапаевском рабочем, «каявшемся» священнику: «В великий пост все шли к попу сдавать грехи. Вот один мужик пришел, поп ему голову покрыв, и тот все грехи обсказывает. Потом замолчал, а поп спрашивает: «Есть еще какой грех?» — «Есть, да боюсь сказать». — «Сказывай, бог простит». — «Украл из цеха дощатое гладило». — «Как же ты его украл?» — «За пазухой пронес». — «Ну, бог простит». А поп ездил к богатым с визитами. Приехал к управителю завода, отслужил, его за стол посадили. Поп подвыпил и рассказывает: «Был у меня один рабочий на духу и покался в грехах: он украл дощатое гладило. Спрашиваю, как украл? Говорит, что за пазухой пронес». Управитель и все засмеялись: «Так ведь гладило пудов сто, это, как молот»¹⁷. Этот поп оправдал уральское народное присловье: «Каяться все равно — что попу-священнику, что вору-мошеннику».

Не менее интересен рассказ про то, как рабочие устраивали революционные собрания в церкви: «Был у нас в Верхней Синячихе отец Иван. Ну, скажу, попик был! Безбожник, пьяница и игрок до одури. Надо нам, рабочим, собраться, идем к попу, несем отцу Ивану поллитру. Так и так, говорим, иди, отец, выпей, а нам ключи от церкви давай. Мы к нему приставим человека, чтобы следил за ним, а то вдруг проболтается. Запираемся в церкви и проводим собрание. В одно время приезжает урядник из Алапаевска, рыщет, нигде мужиков не может найти. А мы в церкви. Раз пять так было»¹⁸. Эти рассказы, по сути дела, являются логическим продолжением традиционных сатирических народных сказок, в которых бедняк торжествовал над попом и барином, выставляя их в неприглядном виде. Но если крестьянин одерживал победу, которой не могло быть в реальной жизни, то рабочие комические рассказы говорят о действительно происходившем. А в плане поэтики

¹⁶ Записано В. Блажесом, Е. Елизарян в 1977 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от И. Я. Быкова (1900).

¹⁷ Записано В. Блажесом, А. Маркиным в 1978 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от М. А. Медовщикова (1889).

¹⁸ Записано В. Гребенюком, Б. Непомнящим в 1964 г. в пос. Верхняя Синячиха Алапаевского р-на Свердловской обл. от Ф. А. Евдокимова (1900).

между рассказами и сатирической сказкой много общего: расстановка действующих лиц, обычная ситуация случая, однозначность сущности попа, хотя точно указывается место действия, называются реальные обстоятельства и т. п.

П. П. Бажов писал, что рабочие Сысертского горного округа, хотя и выполняли церковные обряды, держали в домах иконы, «но большого усердия к церковным делам не проявляли»; для мужчин «считалось достаточным сходить в церковь на пасхе или рождестве да в свои именины», причем поселковое общественное мнение было на этот счет чутким: «излише усердствующих презрительно звали боголизами (все божьи следочки оближет!) и боголазами (забота есть — на бога лезть); говели чаще старухи, реже старики, а из молодых лишь те, кто собирався жениться или выходить замуж (чтоб заминки не вышло от попов!)». П. П. Бажов называет такое положение дел религиозным равнодушием, «обрядоверием»¹⁹. Рассказчики анекдотов пародийно используют церковную манеру окаты, нагнетая слова с буквой «о»: «Идет урок закона божьего. Поп вызывает ученика: «Ответствуй, отрок, есть ли душа?» — «Есть, батюшко»: — «Обоснуй!» — «Шел я третьего дня мимо вашей кельи и слышу ваши слова: «Теперь одевайся, душа Евдокия, и уматывай отсюда». — «Обосновал, но препобабно»²⁰.

На родине П. П. Бажова был записан также анекдотический рассказ о том, как мужик просил помощи у небесных сил. Дело было зимой, в пургу. Лошадь встала, выбившись из сил, а мужику умирать не хочется. «Начал он молитву читать, к небу обращается: «Пресвятая дева, помоги мне вылезти из снега: сам замерзаю и лошадь застыла». Просил, просил, не помогает. «Ну, дак, чо,— думает мужик,— прошу я женщину с младенцем, кого она поможет? Слабосильная. Попрошу самого бога». Вот начал: «Батюшко-спаситель, помоги мне вылезти из снега: сам замерзаю и лошадь застыла». Опять не помогает. «Ну, дак, чо,— думает мужик,— старичонко он, силы у него нет уж. Попрошу сорок святых». Вот начал: «Святые угодники, помогите мне вылезти из снега: сам замерзаю и лошадь застыла». Святые угодники услышали просьбу, послали с неба помощь: подул ветер, гужи с оглобень сорвались, лошадь унесло, а воз-то в снегу остался. Опять горюет мужик: «Ну, что это за помощь. Перестарались угодники. Так ведь молодые ребята: силы много, а разуму мало»²¹. Простой человек привлекателен в таком драматическом, даже трагическом положении тем, что не теряет спокойной рассудительности, и эта народная рассудитель-

¹⁹ Бажов П. П. Сочинения: В 3-х т. М., 1976, т. 2, с. 302.

²⁰ Записано Д. Ниязбековым, М. Пудовкиным в 1982 г. в г. Сысерть Свердловской обл. от В. И. Градобоевой (1896).

²¹ Записано В. Блажесом, Г. Степановой, В. Шевкуновой в 1964 г. в пос. Косой Брод Полевского р-на Свердловской обл. от Д. М. Ананьина (1900).

ность с ее бытовой заземленностью (богородица — слабосильная женщина, бог — старик и т. п.) порождает комизм.

Действие многих анекдотов происходит во время церковной службы, что дает рассказчикам возможность втянуть в анекдотический сюжет любого представителя церковного клира, и в первую очередь священника, а также использовать прием пародирования церковной службы. Вообще предметом пародирования может быть буквально все, начиная от поведения служителей и кончая поминальной молитвой. Так, буквально по всему Уралу бытует анекдот о том, как поп, дьякон, псаломщик делили украденную корову²². Мастерски пародируя речь церковников, рассказчики достигают художественного эффекта и откровенно потешаются над лицемерным попом, глупым псаломщиком, завистливыми певчими. Также очень популярен сюжет о похотливом рыжем попе²³, хотя поп в некоторых вариантах оказывается пострадавшим (у него ловкий вор крадет лошадь или колеса и кается на исповеди).

Пожилые исполнители обычно не столько рассказывают, сколько разыгрывают подобные анекдоты, зато люди среднего возраста, плохо знакомые или совсем незнакомые с манерой поведения служителей культа во время церковной службы, такие анекдоты повествуют невыразительно. В целом это распространяется на все современные юмористические рассказы, где пародирование церковной службы является основным художественным приемом. Приведем еще один рассказ, в котором псаломщик и поповна обманывают попа: «Приехал к нам в Салду красивый псаломщик, и у батюшки дочь была красивая. Стали они говорить: «Давай вступим в брак». Псаломщик читал хорошо, а петь не умел: ему надо было тон давать. Насмелился он просить у попа руки дочери, а поп: «Не отдам. Низкий у тебя чин, если б еще дьякон, так туды-сюды». Ушел псаломщик. Приходит второй и третий раз. Поп: «Ладно, в пятницу будет литургия, спой хоть шестой глас, тогда дочь отдам». Псаломщику что делать? Самому сроду не начать. Рассказал поповне, она: «Я встану на левый клирос и дам тебе тон». Вот литургия. Псаломщик прочитал все и попу: «Благословенно на царство», а поп в алтаре: «Благословен еси господи», а дочь-то на клиросе выводит: «На-аши с дрова-ами-то приехали...» Псаломщик услышал тон и запел: «Благослови еси господи! Научи мя оправданиям твоим». А поп на дочь запел: «Каки же тебя черти тут спра-ашивают!» Ну и пришлось отдавать дочь за псаломщика»²⁴.

Иногда, пародируя церковное, рассказчики не только иронизируют, но и самоиронизируют. Например, старый рабочий

²² См.: Сравнительный указатель сюжетов..., № 1831.

²³ См.: Там же, № 1805*.

²⁴ Записано Т. Максимовой, Н. Солнцевой в 1966 г. в г. Нижняя Салда Свердловской обл. от М. А. Бойцовой (1886).

А. М. Кузнецов, рассказывая анекдот о старушке, заказавшей «помин души», вложил в уста подвыпившего попа такие слова: «Покурим, потянем, родителей помянем, трех Матрех, Луку с Петром, дядю Захара да того Макара, Ольгу Харитиху, Маньку Колотиху, Паню Анисимовку, Анну Денисовку, Трегубова Андрюшку, Стаканца Ефишку, Пузыря Акимку, Степку Кокурку, Кузнецова Шурку»²⁵. Как выяснил собиратель, здесь нет вымышленных имен, помянуты все бывшие жители пос. Черноисточинска, только некоторые из них названы по имени и отчеству, а некоторые — «по-улошному», ради комизма. Упомянув и себя в числе умерших («Кузнецов Шурка»), рассказчик привнес в анекдот самоиронию, обнаружив знание давней эпической традиции.

Практически в каждом заводском поселке, рабочем городе, селе можно услышать рассказы о местном силаче или силачах. Они бытуют издавна. В прошлом столетии Д. Н. Мамин-Сибиряк писал о чусовском силаче Василии Балабурде. П. П. Бажов отмечал распространенный среди рабочих культ силы подмастерья или забойщика. Специально рассматривала предания об уральских силачах В. П. Кругляшова²⁶. Соглашаясь с тем, что писалось о местных силачах, добавим, что рассказчики по-разному освещают эту тему. Есть повествования, которые безусловно могут быть отнесены к категории преданий, и есть рассказы в форме меморатов или фабулатов с выраженным юмористическим колоритом, который или существенно приглушается, или почти нейтрализуется при письменной фиксации. Их надо слышать, тем более что в сюжетном плане они однотипны. В первую очередь рассказывают, как силач играючи на спор или ради забавы поднимал огромные тяжести: в г. Ревда Санутко Заровляев без труда взваливал на плечи 18-пудовый лом; силач из д. Кордюково Верхотурского р-на легко справлялся с 25-пудовым грузом; в пос. Аятка кузнец Троян рельс 30 пудов «поперек колен себе положит и везет на телеге»; в д. Отрадно Верхотурского р-на Петр Ногаев мог зубами поднять центнер муки; в д. Маслово Гаринского р-на Афанасий Александрович один таскал на барку 25-пудовый якорь; в г. Полевское Паша Заря на спор с купцом два мешка муки нес под мышками до Северки (9 верст); в том же Полевском медеплавильщик Иван Поселянинов 30-пудовые печки один грузил на телеги; в с. Меркушино Верхотурского р-на Роман Аввакумович мог «собрать сразу все дрова с подсаньев в охапку и унести»; на

---

²⁵ Записано Е. Показаньевым в 1961 г. в пос. Черноисточинске Пригородного р-на Свердловской обл. от А. М. Кузнецова (1895).

²⁶ См.: Предания реки Чусовой. Свердловск, 1961, с. 73—78; Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка /Сост., автор статьи и примеч. В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, с. 79—81, 268; Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974, с. 110—122.

Сосьвинском заводе силач мог на спор поднять и унести вместе с саями 20 пудов муки; в д. Струнино Гаринского р-на Ганя Ливонтовский затащил на повесть воз рыбы.

Силач своими шутками иногда доставлял людям неудобство, но с этим мирились и если не с восхищением, то с долей удивления рассказывали. Так, с улыбкой рассказывают, как силач поднимал угол избы, клал туда чью-нибудь шапку и с хозяина требовал выкуп (вино). Это типичная шутка силача. А в д. Рагозино Верхотурского р-на силач Кузьма Фаиныч прикатил с реки громадный валун, положил на дороге, и все вынуждены были объезжать его. Приведем лишь одну полную запись рассказа о силаче. «Я одного силача знал, Евгенийч звали. Он уж был старик, а ладонь у него — клешня, две моих руки. Он мог три вязанки дров для печей сразу принести. Это в старости, когда он печи топил в народном театре. А в молодости прокатчиком работал. И вот рассказывали. Он пришел к хозяину, к Соломирскому, просить железа на крышу, а Соломирский: «Ты сам железо делаешь, зачем у меня просишь?» Отказал, значит. Тогда Евгенийч пошел на плотину и вагу к себе домой унес, на сеновал закинул. А вага — это рельса, которой поднимали затвор у плотины, чтобы избыток воды спустить. Ее человек 15 поднимали. Куда делась? Тут кто-то видел, сказали: «Евгенийч утащил». К нему приехали на лошади, просят: «Помоги!» Он смиловился, снял с сеновала, положил на телегу: «Повезите». Евгенийч был балагур, чудил»²⁷.

Популярны рассказы о том, как сильный рабочий вместо лошади вывозил телегу с рудой или воз с мукой. Открытое сравнение силы лошади и силы человека дает рассказчикам возможность для самого широкого варьирования, и они этой возможностью пользуются. Отдельную тематическую группу составляют рассказы о поединках силачей, воспоминания о кулачных боях, которые были постоянными в праздники в дореволюционное время. В. П. Кругляшова пишет: «В сюжете «силач — участник и победитель кулачной борьбы» варьирует манера борьбы и значительность победы: двух-трех человек уронит, когда пять-шесть; этот и по десять человек, бывало, побарывал... В преданиях очевидна эстетическая оценка силачей. Она проявляется в любовании их действиями, в прямых оценках типа: красивый был, крупный, плотный, хороший... Сила, могучность — качества красивого человека»²⁸. То же самое можно сказать и о юмористических рассказах.

К циклу о силачах примыкают рассказы о чудаках. Почти в каждом производственном коллективе или в поселке есть чудак, манерой своими суждениями, интересами, поступками, вообще манерой поведения несколько отличается от других и

²⁷ Записано В. Блажесом, И. Олейник в 1982 г. в г. Сысерть Свердловской обл. от В. М. Колегова (1923).

²⁸ Кругляшова В. П. Жанры сказочной прозы..., с. 114.

тем самым дает повод для шуток, комических рассказов; он вполне нормальный работник и семьянин, но часто делает и говорит не так, как все. Эта особенность моментально окружающими подмечается и в рассказах сознательно комически преувеличивается. Такие рассказы не всегда попадают в поле зрения фольклористов, побывавших один-два раза в том или ином населенном пункте, но многократные экспедиционные поездки в один населенный пункт выявляют подобные юмористические рассказы. Например, за несколько лет работы фольклористов в г. Алапаевске удалось выявить целый цикл юмористических рассказов об Иване Никифоровиче, который умер еще в 30-е гг. Всю жизнь он трудился на заводе возчиком: перевозил руду, топливо и был неплохим работником, что подчеркивается в некоторых рассказах. Отношение к этому человеку вполне уважительное, он непременно именуется по имени и отчеству. Иван Никифорович был болезненно стеснительным молчуном, замкнутым тугодумом, и эти черты стали поводом для возникновения рассказов о нем.

«Вот Иван Никифорович приходит в дом: «Здравствуйте. Бог помочь!» — «Милости просим. Проходи». Он садится, вынимает свою трубку и закуривает. Выкурил трубку, встает: «Ну, прощайте». — «Да, Иван Никифорович, за делом приходил?» — «Нет, только поговорить». И пошел себе. Поговорил, значит»²⁹. Но, видимо, поговорить на людях ему очень хотелось. «Бывало, Иван Никифорович на телеге едет и рассуждает вслух: целые выступления выстраивал. На сходках или каких собраниях ни слова не скажет, а ему, видно, нравилось, как люди на собраниях речи говорят. Вот он едет и сам с собой выступает. Как на собрании. Однажды руку поднимает: «Граждане, дайте мне слова!» А сзади кто-то подъехал и услышал: «Пожалуйста, Иван Никифорович» — «У, жаба! Услыхал». Это он ругался всегда «жабой»³⁰. Старые жители вспоминают, что еще в дореволюционное время он пытался дознаться, с какой прибылью торгуют лавочники, но везде спрашивал одно и то же: «Вот заходит Иван Никифорович в лавку: «Здравствуйте. С прибылью торговать». — «Спасибо, Иван Никифорович. Что покупать будешь?» А он молчит. Потом мало погода: «А вы, наверное, прибыль делаете рупь на рупь?» — «Что ты, Иван Никифорович! Хоть бы копейка на копейку!» — «Ну, прощайте, пока». И пошел себе»³¹. Другие рассказчики юмористически обыгрывают его привычку к холоду, как он зимой часто ходил без шапки и рукавиц, третьи вспоминают, что он не любил даже по праздникам посе-

²⁹ Записано В. Блажесом, Е. Елизарян в 1977 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от И. Я. Быкова (1900).

³⁰ Записано Л. Лихомановой, О. Невוליной в 1977 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от Е. Г. Молоковой (1902).

³¹ Записано С. Гилевой, Н. Потеевой в 1976 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от К. В. Мокшеевой (1898).

щать церковь и всякий раз обходил идущего навстречу священника или дьякона. Рассказывают также, что он был обрусевшим украинцем и чуть не всю жизнь добивался, чтобы жена употребляла в речи хотя бы некоторые украинизмы, и прибегал к маленьким хитростям: «Он часто спорил со своей старухой. Уходит куда-нибудь: «Ну, я пышоу». Старуха: «Пошел, так пойди». Он опять: «Я, старая, пышоу», а она: «Пошел, так пойди». — «Тьфу, старая». Рассердился, значит. Стукнет дверью. Хотел, чтоб она «пышоу» сказала, а она нарочно не говорила»³². Как и все, Иван Никифорович относился к лошади бережно, но иногда, видимо, и здесь он переходил границы общепринятого, и поэтому с улыбкой рассказывают, что он свою заурядную лошадь чересчур ласково оглаживал, уважительно с ней разговаривал — все это побуждало шутников к действиям: «Однажды он свою лошадь ласково уговорил, мол, кровиночка, подожди, скоро приду и привязал к ограде. А мужики лошадь выпрягли, оглобли сквозь ограду продернули и снова с другой стороны впрягли. Он пришел, заругался: «Как это ты, жаба, пролезла». Лошадь жабой назвал — допекли мужика: то — кровиночка, то — жаба. Ну, потом все понял, засмеялся»³³.

В настоящее время продолжают бытовать юмористические рассказы, анекдоты, комически преувеличивающие какие-либо особенности, свойства людей одной профессии, одной семьи, одного населенного пункта. До революции коллективные прозвища были обычным бытовым и фольклорным явлением, сейчас сфера их бытования заметно сузилась, но по-прежнему пожилые люди рассказывают об этом, вспоминая случаи, объясняющие происхождение коллективного прозвища, цитируя в рассказах давние припевки, поговорки: «Березовских раньше называли кишечниками. Говорили им: «Золото мое, сами голосом воете, кишки водой промываете, сыты не бываете». А они пышминцев, соседей своих, дразнили кулажниками, пьяницами: мол, кулагу варят, хлеба не едят, в канаве лежат, на небо глядят»³⁴.

Рассказы о прозвищах не всегда понятны современным слушателям, уже плохо знающим или совсем не знающим дореволюционный быт, поэтому рассказчики вынуждены вводить пояснения, комментарии, которые иногда вытесняют комизм: «Березовских раньше дразнили кишечниками. Когда они проезжали через Пышму, местные им кричали: «Кишку на метры меряли?», а когда пышминцы проезжали через Березовск, их дразнили кулажниками, это, очевидно, потому, что они варили

³² Записано Л. Лихомановой, О. Невוליной в 1977 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от Е. Г. Молоковой (1902).

³³ Записано С. Гилевой, Н. Потеевой в 1976 г. в г. Алапаевске Свердловской обл. от К. В. Мокшеевой (1898).

³⁴ Записано С. Ардашевой, Н. Зыряновой в 1968 г. в г. Березовский Свердловской обл. от Е. П. Ключниковой (1918).

кулагу: брали ржаную муку, запаривали ее кипятком, разбавляли солодом, ставили в вольную печь, там она засолодеет и сварится»³⁵.

Автору этих строк пришлось недавно разговаривать со старым жителем г. Сысерти Ф. Ф. Васильевым. В 20-е гг. он работал в доменном цехе на Сысертском заводе, сейчас, став пенсионером, активно занимается краеведением и часто выступает с беседами, в частности, на заводе Уралгидромаш. «Я, когда прихожу туда беседу проводить,—говорит Ф. Ф. Васильев,—вот народ соберется, я нарочно спрошу: «Баранники есть?»—«Есть!»—кричат. Сами смеются. Раньше баранниками звали всех из Кашино (д. Кашино в 3 км от Сысерти.—В. Б.). А затем он рассказал, почему кашинцев звали баранниками. Ф. Ф. Васильев говорил с улыбкой, чувствовалось, что его самого по-доброму веселит рассказ о хитрых кашинцах. К сожалению, даже в точной записи многочисленные и необходимые пояснения приглушили лукавый подтекст, юмористическую тональность рассказа: «Раньше между Уктусом и Екатеринбургом шесть верст было, я еще помню. Из Уктуса выскочишь, налево были бойни, туда гнали скот. Вот гонят скот по Челябинскому тракту, в Щелкуне у них остановка, а у кашинцев там был дежурный конный. Как остановка, он гонит в Кашино, а те уж ямы готовят. Они у них вдоль дороги нарыты и накрыты досками, полутесом, чтобы свои коровы или овечки не угадали. А как конный пригонит, они доски живо убирают и жердочками, травой ямы маскируют. Когда стадо гонят, некоторые бараны в эти ямы проваливаются. А баран не свинья: это поросенок визжит, а баран молчит. До самой революции кашинцы этим пользовались. Баранники. Они и сейчас на баранников откликаются»³⁶. Иногда в таких рассказах ощутимо литературное влияние. Например, в рассказе жителя г. Верхняя Салда А. Д. Чагина о соседях, нижнесалдинцах, использованы некоторые габоровские мотивы: «Про нижнесалдинцев у нас так говорят, что они хвастуны: они грядки бетонируют, на воробьев носки надевают, чтобы они крышу не царапали, антенны краской красят, чтобы изображение цветное было, собаки у них в галстуках и коровы в кирзовых сапогах... Они говорят, что у нас и завода-то не было, когда у них был, мол, наши рельсы уже за границей знали, а вы только лапти плели...»³⁷

Содержание рассказов о возникновении индивидуальных прозвищ, как правило, связано с какой-то особенностью человека, с манерой его поведения или характером трудовой дея-

---

³⁵ Записано Н. Алексеенко, В. Цыпнятовым в 1966 г. в г. Березовский Свердловской обл. от П. В. Холуева (1900).

³⁶ Записано В. Блажесом, И. Олейник в 1982 г. в г. Сысерть Свердловской обл. от Ф. Ф. Васильева (1907).

³⁷ Записано В. Лалетиной, О. Губкиной в 1981 г. в г. Верхняя Салда Свердловской обл. от А. Д. Чагина (1916).

тельности; такие рассказы всегда выявляют необычное, отличающее данного человека от остальных, хотя есть прозвища, возникшие случайно: человек что-то не к месту сказал, неудачно что-то сделал, но всех рассмешил и дал повод для незавидного прозвища и соответствующего рассказа: «У нас одного мужика Кабаном зовут, а другого — Бараном. Ругались, ругались они один раз, уж не знают, что друг другу сказать, вот один напоследок: «Баран, баран, на тебе овца», а тот: «Кабан, кабан, на тебе свинья». Ох, все захохотали. С тех пор их прозвали»³⁸. Подавляющее большинство прозвищ все-таки обидны для их носителей, хотя все вокруг с видимым удовольствием употребляют эти прозвища, правда, за глаза, и рассказывают о них, тем более что часто сам человек дает повод посмеяться над ним: «Был у нас Трепак. Высокий, здоровый, а все равно модничать надо: вот и ходил он в сапогах с галошами. Однажды танцевал на вечерке, у него слетели галоши. Смотрят, а ноги-то почти босые, от сапог одни голенища. В другой раз парни к нему подходят, спрашивают: «Сколько время?» (У него цепочка от часов висела.) Он им отвечает: «Они стоят. Забыл завести». А один ему: «И что ты все забываешь?» — и потянул за цепочку, а там вместо часов баночка. «Ах, ты, трепак!» Так его и прозвали»³⁹.

Мы рассмотрели лишь небольшую часть материала, сознательно оставляя пока в стороне многочисленные комические повествования о глупых супругах, злых и ленивых женах и мужьях, о простоватых невестах, старых девах, хитрых и ловких ворах, обманутых купцах, дураках и другие — все эти темы, представленные в указателях сюжетов, есть и в записях фольклористов Уральского университета. В статье использованы лишь те юмористические истории, анекдоты, которые не попали в указатели, за редким, конечно, исключением, и которые более или менее связаны не только с бытом, но и с производством, трудовой деятельностью человека.

Носители фольклора эмпирически выделяют три типа комических повествований:

1. Комические рассказы о реальном лице, факте, событии; это шуточные или даже сатирически звучащие истории, в которых вымысел может переплетаться с реальностью, и сам рассказчик иногда даже допускает комическое преувеличение («может, для смеха и преврали, но, правда, было»), но все-таки верит в реальность происшедшего и стремится убедить в этом слушателей.

2. Комические рассказы о реальном лице, факте, событии, полностью лишенные, с точки зрения рассказчика, вымысла.

---

³⁸ Записано Л. Деминой в 1974 г. в с. Меркушино Верхотурского р-на Свердловской обл. от Ф. С. Мальвинских (1905).

³⁹ Записано Л. Деминой, Е. Ивановой в 1977 г. в г. Каменск-Уральский Свердловской обл. от Е. И. Казанцева (1896).

Они могут быть порождены случайным происшествием или сознательно созданной каким-нибудь балагуром ситуацией, в них могут цитироваться выдумки, шутки весельчаков — что угодно, но рассказчик всегда абсолютно убежден в том, что описываемое имело место в жизни.

3. Собственно анекдоты, к которым относятся рассказы о фактах, событиях, полностью вымышленных, хотя вымысел может быть соотнесен с реальностью, выступать в формах реальной жизни.

Т. Н. ЯКУНЦЕВА
Уральский университет

Изображение человека в народном романсе и семейно-бытовых песнях конца XIX — начала XX в.

Песенная поэзия, как и все другие области и жанры фольклора, не представляет застывшего, неподвижного явления: она прошла сложный путь становления и до сих пор находится в процессе развития. Особым этапом истории фольклора, в частности народного песнетворчества, является конец XIX — начало XX в. В песенной культуре народа этого времени наряду с традиционными семейно-бытовыми и любовными песнями распространяется и активизируется романс — весьма сложное, неоднородное явление.

Традиционная фольклорная лирика этого периода уже не в состоянии только своими жанровыми возможностями передать сложность отношений человека и окружающего мира. Народный романс активизируется в России после 1861 г. в новых социальных условиях, для которых характерен «рост самосознания личности в народной среде»¹, пробуждение в народе желания «отстоять свое «я», выбиться из бедственного и зависимого положения»². Песня-романс, открывая большие возможности для самовыражения человека из народной среды в эпоху капитализма, вносит в фольклор новые поэтические средства, которыми традиционная лирика не располагала.

Народные песни-романсы смогли зафиксировать усложнившийся душевный мир человека пореформенного времени. Молодежь нового, капиталистического общества, ломая патриархальные семейные обычаи, не принимая навязываемого ей старши-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 577.

² Там же, с. 578.